

II ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ

DOI: 10.48647/LCCA.2023.80.81.016

Р.В. Березкин

«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ГОСПОДИНА ИЗ ПУЛИ» ЛУ ГУЙМЭНА (? – ок. 881) КАК ОБРАЗЕЦ КИТАЙСКОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ ТАН

Аннотация: «Жизнеописание господина из Пули» (*Пули сяньшэн чжуань* 浦里先生傳) – одно из самых известных произведений танского литератора Лу Гуймэна 陸龜蒙 (? – ок. 881), творчество которого в отечественных работах еще не рассматривалось. «Жизнеописание господина из Пули» представляет собой шутивную автобиографию поэта, в которой он создает свой идеализированный образ, используя некоторые реальные факты собственной жизни. В этом он следует давней литературной традиции средневекового периода. Здесь представлена первая попытка перевода «Жизнеописание господина из Пули» на русский язык. Также в работе анализируются художественные особенности этого произведения как в контексте творчества Лу Гуймэна, которое еще неизвестно русскому читателю, так и в традиции автобиографических «жизнеописаний» в китайской классической литературе. В отличие от предшествующих текстов этого типа, «Жизнеописание господина из Пули» дает развернутую психологическую характеристику героя, подробно и с юмором рассказывает о его увлечениях, пристрастиях и недостатках. Также в этом произведении заявлено желание поэта жить на лоне природы вдали от мирской суеты и интриг властных кругов.

Ключевые слова: автобиография, китайская классическая проза, литература эпохи Тан, Лу Гуймэн.

Автор: БЕРЕЗКИН Ростислав Владимирович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований Университета Фудань (ул. Ханьдань, 220, р-н Янпу, Шанхай, КНР, 200437); старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (ул. Рождественка, 12, Москва, 107031; внешнее совместительство). ORCID: 0000-0003-1924-8535. E-mail: berezkine56@yandex.ru

Rostislav V. Berezkin
Biography of the Gentleman from Puli by Lu Guimeng
(Middle IXth Century) as an Example
of Chinese Autobiographical Literature of the Tang Dynasty

Abstract: *Biography of the Gentleman from Puli* (*Puli xiansheng zhuan* 浦里先生傳) is one of the most famous works by the Tang literatus Lu Guimeng 陸龜蒙 (? – ca. 881), whose heritage has not been studied in Russian sinological works so far. It is a humorous autobiography, creating his idealized image with the use of several real facts of his life. In creating this piece he follows the old literary tradition of the medieval period. This work presents the first attempt of Russian translation of this text. Besides, I analyze special features of this text in the context of Lu Guimeng's literary heritage as well as in the whole tradition of this type of autobiographical writing in Chinese classical literature. Unlike the earlier texts of this type, *Biography of the Gentleman from Puli* gives a developed psychological portrait of the author, including his interests, obsessions, and drawbacks. This work confirms the author's desire to live as a hermit in the countryside in order to escape the hustle of the secular life and intrigues of the official world.

Keywords: autobiography, Chinese classical prose, literature of the Tang dynasty, Lu Guimeng.

Author: BEREZKIN Rostislav Vladimirovich, PhD (Philology), Senior Researcher, National Institute for Advanced Humanistic Studies of Fudan University (220 Handan Rd, Yangpu District, Shanghai, 200437, PRC); Senior Researcher, Institute of Oriental Studies (12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031; con-current). ORCID: 0000-0003-1924-8535. E-mail: berezkine56@yandex.ru

«Жизнеописание господина из Пули» (*Пули сяньшэн чжуань* 浦里先生傳) является одним из самых известных прозаических произведений танского литератора Лу Гуймэна 陸龜蒙 (? – ок. 881), который, хотя и достаточно широко известен в Китае, в отечественной традиции ки-

таеведения еще практически неизвестен¹. «Жизнеописание господина из Пули» представляет собой шутивную автобиографию поэта, в которой он создает свой идеализированный образ, используя некоторые реальные факты собственной жизни². Это произведение еще не переводилось на русский язык, также нам неизвестны его переводы на английский язык³. Здесь представлена первая попытка перевода «Жизнеописания господина из Пули» на русский язык, который сопровождается текстом оригинала и примечаниями. Также я анализирую особенности этого произведения как в контексте творчества Лу Гуймэна, которое еще неизвестно русскому читателю, так и в традиции автобиографических «жизнеописаний» в китайской классической литературе.

Лу Гуймэн жил в эпоху Тан, которая заслуженно считается временем высочайшего расцвета китайской литературы. При его жизни это могущественное государство уже клонилось к закату, что тем не менее мало сказалось на развитии литературного творчества. Лу Гуймэн остался в тени знаменитых поэтов конца эпохи Тан, таких как Ли Шаньинь 李商隱 (813–858), Вэн Тинъюнь 溫庭筠 (812–870) и Сыкун Ту 司空圖 (837–908), но при этом прославился и своей дружбой с другим известным литератором того времени, Пи Жисю 皮日休 (ок. 838 – ок. 883). Особенно известно его творческое содружество с Пи Жисю, в котором два поэта писали стихи на одну и ту же рифму; этот феномен известен в истории литературы как «поэзия Пи и Лу» [Nienhauser 1979: 70–71, 89–90; 李福標 2007].

Согласно историческим источникам, Лу Гуймэн происходил из чиновничьей семьи, которая жила вблизи г. Сучжоу 蘇州 (совр. пров. Цзянсу), где он и провел большую часть жизни. В его официальной биографии в «Новой книге (т.е. истории. – Р.В.) Тан» (*Синь Тан шу* 新唐書; цзюань 196 – «Отшельники и ушедшие со службы» [*инь и* 隱逸]) говорится, что он принимал участие в экзаменах на звание цзюйжэня, но

¹ Вместе с тем творчество Лу Гуймэна рассматривается в англоязычных исследованиях танской литературы; существуют переводы его стихотворений и прозы на английский язык [Nienhauser 1979: 70–71, 89–90, 106–107; Schafer 1980: 31–32, 37–38, 41; Schafer 1998: 605–606; Maig 2001: 312, 403; Nienhauser 2022: 247–250; и др.].

² Оригинал см. в [全唐文 2002, цз. 801, т. 6: 4958–4959].

³ Перевод этого текста на немецкий язык включен в книгу В. Бауэра об истории автобиографии в Китае, см. [Baue 1990: 250–253]. При этом название «Пули» В. Бауэр транскрибировал как Фули (Fu-li). Существует также перевод на японский язык [川合康三 1996: 100–108].

безуспешно, поэтому не преуспел на государственной службе, хотя и служил в родных местах [歐陽修 1997, т. 18, цз. 196 (121): 5612]⁴. Около 875 г. он ушел на покой и поселился в родном доме в городке Пули 浦里 в окрестностях города Сучжоу (согласно танскому административному делению, в подчинении области Сунцзян 松江)⁵. Там Лу Гуймэн вел жизнь отшельника, занимаясь в основном своей усадьбой и творчеством⁶. Именно в этот период он создал «Жизнеописание господина из Пули».

Лу Гуймэн был весьма плодовитым автором, до нашего времени дошло более 600 его стихотворений. Его творчество отличается достаточно большим разнообразием тематики [Schafer 1998: 606]. Большинство поэтических и прозаических произведений Лу Гуймэна вошло в сборники «Собрание Соснового холма» (*Сун лин цзи* 松陵集) и «Сборник бамбуковой шляпы и болот» (*Ли цзэ цуншу* 笠澤叢書). На их основе Е Инь 葉茵 (1199–?), литератор эпохи Сун, составил «Собрание сочинений Господина из Пули» (*Пули сяньшэн вэнь цзи* 甫里先生文集), которое используется как основной источник его работ [陆龟蒙 1997]. Следует отметить, что название этого сборника использует псевдоним поэта, который появляется в его автобиографии.

Текст «Жизнеописания господина из Пули» написан в рамках старинной традиции, которая восходит еще к Тао Юаньмину 陶淵明 (или Тао Цяню 陶潛, 365–427), величайшему поэту Китая⁷. Тот создал шутиливую автобиографию «Жизнеописание Господина [под Сенью] Пяти Ив» (*У-лю сяньшэн чжуань* 五柳先生傳, ок. 415 г.), которая, несмотря на свой небольшой объем (всего 200 иероглифов), стала одним из самых знаменитых его прозаических произведений и вместе с тем образцом для последующих текстов подобного жанра⁸. Ко времени Лу Гуймэна похожие «автобиографии» были также написаны литераторами Юань Цанем 遠粲 (420–477) – «Жизнеописание Господина Прекрасных Добро-

⁴ См. также его биографию у автора юаньского времени Синь Вэньфана [辛文房 1987].

⁵ В настоящее время этот городок носит название Лучжи 角直; в нем сохранилась могила поэта.

⁶ О жизни и творчестве Лу Гуймэна см. [熊艳娥 2012, 曾美桂 2014].

⁷ О его творчестве и влиянии на последующее развитие китайской литературы см. [Эйдлин 1967: 7–131; Кравцова, Алимов 2014, т. 1: 554–575].

⁸ Оригинал см. в [陶淵明 1996: 420–424]; см. также [Эйдлин 1967: 30–33; Кравцова, Алимов 2014, т. 1: 560–561].

детелей» (*Мяо-дэ сяньшэн чжуань* 妙德先生傳)⁹, Ван Цзи 王績 (второе имя Угун 無功, 590–644) – «Жизнеописание Господина Пяти Доу [Вина]» (*У-доу сяньшэн чжуань* 五斗先生傳)¹⁰ и Бо Цзюйи 白居易 (772–846) – «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» (*Цзуй-инь сяньшэн чжуань* 醉吟先生傳)¹¹. Подобные произведения продолжали создаваться и в более позднее время, в качестве примера можно привести знаменитое «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» (*Лю-и цзюйши чжуань* 六一居士傳) сунского литератора Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072) [Березкин 2022]¹².

Произведения этого типа можно определить как «идеализированную автобиографию»: они представляют скорее идеал китайского литератора, нежели реальную личность. По определению японского исследователя китайской классической литературы Каваи Ко:дзо 川合康三, в этой форме литературы воплощается «воображаемое эго» автора (*ко: ари тайварэ* かく (= こう) ありたい 我れ) [川合康三 1996: 67]¹³. Для того чтобы проанализировать особенности «Жизнеописания господина из Пули», нужно сравнить его с другими похожими произведениями в классической литературе, прежде всего с «Жизнеописанием Господина [под Сенью] Пяти Ив», которое можно признать программным в этом жанре. В то же время больше всего из вышеназванных текстов на «Жизнеописание» Лу Гуймэна похоже «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» Бо Цзюйи, которое также и близко стоит к нему по времени написания.

Эту близость текстов Лу Гуймэна и Бо Цзюйи можно в некоторой степени объяснить влиянием последнего, оно прослеживается в творчестве Лу Гуймэна и Пи Жисю [川合康三 1996: 100]. Так, Пи Жисю в одном из своих стихотворений признавался в любви к стихам Бо Цзюйи

⁹ Текст этого произведения (или только сохранившаяся до нашего времени его часть) включена в жизнеописание Юань Цаня в «Книге (т.е. истории. – Р.В.) Сун» [Сун шу 宋書], см. [沈約 1997, цз. 49, т. 5: 2230–2231].

¹⁰ Оригинал см. в [全唐文 2002, цз. 132, т. 2: 799], пер. на англ. яз. [Warner 2003: 103]. Ван Цзи был известным литератором в конце периода Суй (581–618) – начале Тан (618–907), оказавшим значительное воздействие на развитие художественной традиции при Тан; о нем см., например [Кравцова, Алимов 2014, т. 2: 955–959].

¹¹ Оригинал см. в [白居易 1988, т. 6: 3782–3783]. Перевод на русский язык с комментарием см. [Березкин 2020]; см. также [Mair, Berezkin 2009].

¹² Также см. [Baueg 1990: 168–171, 264–266, 291–295].

¹³ Также см. [Березкин 2020: 372–373].

[皮日休, цз. 10: 131a]¹⁴. Вместе с Лу Гуймэном они создали цикл «Подлинных юэфу» (*Чжэн юэфу* 正樂府) с социально-обличительной проблематикой, который продолжал традицию «Новых юэфу» (*Синь юэфу* 新樂府) Бо Цзюйи и поэтов его круга [皮日休, цз. 10: 131b – 135a]¹⁵.

Вполне вероятно, что Лу Гуймэн сознательно подражал «Жизнеописанию Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» Бо Цзюйи¹⁶. Тем не менее, отмечая возможное влияние Бо Цзюйи, следует признать, что оно проявляется в основном в форме и стиле произведения, в то время как содержание «Жизнеописания» Лу Гуймэна сугубо индивидуально, в нем особенно сильны черты автобиографии. Несмотря на то что автор пишет о себе в третьем лице, в тексте есть и прямое указание на то, что он и есть Господин из Пули; в месте о возведении защитной дамбы на полях говорится: «И пусть даже волны [наводнений] каждый год огромны, они больше не могли перелиться через мои межи, затопить мои посевы». Здесь прямо употребляется слово «мои» (я). Сравнивая произведение Лу Гуймэна с произведениями его предшественников, нужно отметить его большой объем, что сопряжено с включением большего числа деталей жизни литератора. «Жизнеописание господина из Пули» является наиболее подробным из подобных автобиографических произведений, созданных в Китае вплоть до эпохи Сун включительно.

Автобиографический характер «Жизнеописания» Лу Гуймэна был очевиден и для китайских ученых прошлого, недаром многие факты из него включены в небольшой очерк жизни (жизнеописание) Лу Гуймэна в «Новой книге Тан» в главе «Отшельники и ушедшие со службы», причем многие фразы из «Жизнеописания господина из Пули» цитируются

¹⁴ Также см. [Nienhauser 1979: 41].

¹⁵ О «Новых юэфу» Бо Цзюйи и Юань Чжэня, см. [Эйдлин 1987: 16–19; Сторожук 2001: 134–145; 2010: 72–83].

¹⁶ Этому произведению подражали также и другие литераторы конца Тан; так, Сыкун Ту в своих «Записках о Павильоне Отдохновения» (*Сюсю тин цзи* 休休亭記, в пер. В.М. Алексеева – «На павильон ушедшего в отдых и блаженство»; датированы 903 г.) писал, что написал их в том же возрасте, что и Бо Цзюйи создал свою автобиографию [全唐文 2002, цз. 807, т. 6: 4999], переводы текста на русский язык см. [Алексеев 2008: 76–77]. В «Старой книге (т.е. истории. – Р.Б.) Тан» (*Цзю Тан шу* 舊唐書) также говорится, что Сыкун Ту создал свое произведение в подражание «Жизнеописанию Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» Бо Цзюйи [劉昫 1997, цз. 190: 5083].

в династийной хронике практически дословно. В качестве примера можно привести следующий отрывок из «Новой книги Тан», который близко следует соответствующим частям «Жизнеописания господина из Пули»:

有田數百畝，屋三十楹，田苦下，雨潦則與江通，故常苦饑。身畚鍤，蓐刺無休時，或譏其勞，答曰：「堯、舜黻瘠，禹胼胝。彼聖人也，吾一褐衣，敢不動乎？」嗜茶，置園顧渚山下，歲取租茶，自判品第。張又新爲《水說》七種，其二慧山泉，三虎丘井，六松江。人助其好者，雖百里爲致之。初，病酒，再期乃已，其後客至，挈壺置杯不復飲。不喜與流俗交，雖造門不肯見。不乘馬，升舟設蓬席，齋束書、茶灶、筆床、釣具往來。時謂江湖散人，或號天隨子、甫裏先生，自比涪翁、漁父、江上丈人。[歐陽修 1997, т. 18, цз. 196 (121): 5612–5613].

[У Лу Гуйэна] поля были [размером] в несколько сотен му, [усадыба] из тридцати построек, [но] поля его страдали от того, что находились в низине; [когда] шли дожди, [то их] затапливало так, что [они] соединялись с рекой. По этой причине [он] часто нуждался и голодал. Когда же он сам работал с корзиной и лопатой, очищал поля от сорняков, не зная отдыха, некоторые высмеивали его труд; он же в ответ говорил: Яо и Шунь почернели и отощали, у Юя были мозоли [на руках и ногах]. А они разве не были совершенно-мудрыми? А я всего лишь [простолюдин] в сермяжной одежде¹⁷, разве посмею не трудиться? [Он] пристрастился к чаю и разбил сад под горой Гуду-шань. Каждый год [он] получал ренту с чайной [плантации] и сам оценивал вкус [чая]. Чжан Юсинь из Наньяна в «Рассуждениях о воде»¹⁸ выделил семь ее категорий. Вторая из них называется «Каменный источник горы Хуэй-шань», третья – «Каменный колодец Храма Тигриного холма», шестая – «[Исток] реки Усунцзян». Другие помогали Лу Гуйэну в его увлечении и доставляли ему воду из знаменитых источников, несмотря на расстояние в сотню ли. Поначалу [он] заболел из-за [употребления] вина, в последующем [он] воздерживался от него. Но и после этого, когда приходили гости, [Лу Гуйэна] доставал чайник, ставил чашки, [хотя сам] уже не пил. [Он] не любил общаться с обывателями, и хотя [они] приходили [к нему] в дом, [он] отказывался встречаться с ни-

¹⁷ То есть в одежде из грубой ткани.

¹⁸ Об этом трактате см. комментарий к «Жизнеописанию господина из Пули».

ми. [Он] не ездил верхом, но садился в лодку, устраивал в ней полог и циновку, брал с собой связку книг, печь для поджаривания чайного листа, подставку для кистей, снасти для рыбной ловли и так путешествовал [по округе]. В это время [он] назывался «Праздным человеком рек и озер», другие [его] прозвища – «Мудрец, следующий [воле] Неба», «Господин из Пули»; [он] сравнивал себя со старцем Пэем, Отцом-рыбаком и Мужем над Цзяном¹⁹.

Кроме того, в очерке жизни (жизнеописании) Лу Гуймэна в «Новой книге Тан» упоминаются также такие детали, как его страсть к творчеству, которое он не прерывал и на десять дней, несмотря на болезни; воровство его произведений гостями, которые выдавали их за свои; собрание и редактирование книг, которые он щедро давал читать знакомым; стремление к просвещению других и т.д. [歐陽修 1997, т. 18, цз. 196 (121): 5612–5613]. Все эти детали также явно происходят из «Жизнеописания господина из Пули».

Таким образом, создав это произведение, Лу Гуймэн сделал значительный вклад в формирование своей биографии в официальных исторических источниках. Этот же феномен мы можем наблюдать и в случае других подобных идеализированных автобиографий. Так, «Жизнеописание Господина [под Сенью] Пяти Ив», «Жизнеописание Господина Пяти Доу [Вина]» и «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» также упоминаются в соответствующих биографиях литераторов в династийных историях: «Книга (т.е. история. – Р.Б.) Цзинь» (*Цзинь шу* 晉書), «Старая книга Тан» (*Цзю Тан шу* 舊唐書), «Новая книга Тан» [歐陽修 1997, т. 18, цз. 196: 5594; 劉昫 1997, т. 11, цз. 166: 4355]; а «Жизнеописание Господина Прекрасных Добродетелей» Юань Цаня вообще сохранилось в составе «Книги (т.е. истории. – Р.Б.) Сун» [*Сун шу* 宋書]) под ред. Шэнь Юэ 沈約 (закончена ок. 478 г.). Это подтверждает важное наблюдение о том, что великие китайские поэты прошлого сами участвовали в создании собственного образа, используемого в последующих биографиях; их стихотворения и проза во многом автобиографичны [Эйдлин 1967: 30–33]²⁰. Это

¹⁹ Все переводы цитат на русский в этой работе – мои собственные, если это отдельно не оговаривается.

²⁰ Этот феномен довольно распространен в литературе разных стран, достаточно вспомнить творчество поэтов Серебряного века в России, которые зачастую усиленно работали над созданием собственного «литературного» образа, прибегая при этом и к мистификациям. В случае поэтов средневековья, про которых сохранилось мало

особенно применимо к идеализированным автобиографиям, подобным «Жизнеописанию господина из Пули», в которых традиционные черты, подражание образцам предшественников сочетаются с литературным новаторством и неповторимостью.

Некоторые традиционные черты появляются в начальных строках «Жизнеописания господина из Пули»: «Господин из Пули, не знаю, откуда [он происходил]. Люди видели его пашущим [на поле] в Пули, поэтому [так его] и прозвали». Это явное продолжение традиции, идущей от «Жизнеописания Господина [под Сенью] Пяти Ив» Тао Юаньмина, в котором автор скрывает свое истинное имя, заменяя его поэтическим прозвищем (псевдонимом). «Жизнеописание Господина [под Сенью] Пяти Ив» начинается следующим образом: «[Этот] господин, не знаю, откуда [он происходил], и также неизвестны его фамилия и второе имя²¹. У [его] дома было пять ивовых деревьев, и от них образовалось [его] прозвище» (先生不知何許人也，亦不詳其姓字。宅邊有五柳樹，因以為號焉)。 В начальных строках «Жизнеописания господина из Пули» мы видим прямую цитату из произведения Тао Юаньмина. Этому положению в начале текста вторят и заключительные фразы Лу Гуйэна: «[Он] не оставил [после себя] фамилию и имя, и в мире не было таких, кто бы мог понять его [замыслы]». Такой прием «анонимности», сокрытия собственного имени и положения, стал типичным для подобного рода произведений. С одной стороны, он создает шуточный тон для последующего повествования, в котором литератор намеренно скрывается под маской своего идеализированного альтер-эго. С другой стороны, его можно рассматривать как пародию на официальные жизнеописания исторических деятелей, которые начинались с указания имени и места происхождения человека, его чинов и званий.

Этот же подход, явно заимствованный у Тао Юаньмина, мы находим и в «Жизнеописании Господина Пяти Доу [Вина]» Ван Цзи: «Был некий Господин Пяти Доу [Вина], вместе со своей „благой силой вина“²²

достоверных исторических сведений, эти «литературные» образы, вошедшие в историю, еще более очевидны.

²¹ Второе имя традиционно присваивалось по достижении совершеннолетия. Например, вторым именем Бо Цзюйи было Бо Лэтянь 白樂天.

²² Выражение «благая сила (или добродетель) вина» происходит из произведения «Гимн благой силе вина» (*Цзю дэ сун* 酒德頌) Лю Лина 劉伶 (ок. 225 – ок. 280), одного из «семи мудрецов из бамбуковой рощи» (*чжу линь ци сянь* 竹林七賢); переводы текста на русский язык см. [Алексеев 2006, т. 1: 220–221; Меньшиков 2007: 71–72]; о Лю Лине см. [Кравцова, Алимов 2014, т. 1: 477–493].

странствовал он среди людей. Если кто-либо приглашал его на винопитие, он всегда отправлялся к ним, не различая между знатными и презренными... Однажды за раз он выпил пять *доу*²³ [вина], поэтому взял себе такое прозвище» (有五斗先生者, 以酒德遊於人間。人有以酒請者, 無貴賤皆往..... 嘗一飲五斗, 因以為號焉). Подобным же образом начинается и «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» Бо Цзюйи: «[Что касается] Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи, [то я] забыл его фамилию и второе имя, [его родной] край и деревню, должность и титул, и так в забыты, [я и сам] не знаю, кто я есть [на самом деле]» (醉吟先生者, 忘其姓字、鄉里、官爵, 忽忽不知吾爲誰也)²⁴.

В то же время нужно отметить значительное отличие образов «воображаемого эго», созданных танскими литераторами и их предшественниками. Если Тао Юаньмин и Ван Цзи создают вневременной образ отшельника-поэта, то у Бо Цзюйи и Лу Гуймэна он вписан в контекст своей эпохи. Относительная реалистичность и обилие подробностей в «Жизнеописании господина из Пули» сближают его с «Жизнеописанием Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи». Эти черты в целом присущи «праздной литературе» эпохи Тан, к которой прибегали многие литераторы того времени. Так, к образам, созданным танскими литераторами, вряд ли будут применимы слова, которыми Тао Юаньмин характеризует «Господина [под Сенью] Пяти Ив»: «Хмелея за чаркой [вина], слагать стихи и так радоваться своим устремлениям! Это человек [времен правления] рода Ухуая или человек [времен правления] рода Гэтяня?» (酣觴賦詩, 以樂其志。無懷氏之民歟? 葛天氏之民歟?), где Ухуай и Гэтянь — имена мифических правителей, соотносимых с глубокой древностью. Несмотря на то что Лу Гуймэн уподобляет себя полубогатырскому великому отшельнику древности, даже подлинные имена которых неизвестны — старец Пэй, Отец-рыбак или Муж над Цзяном²⁵, многое в его описании принадлежит историческим чертам его эпохи.

²³ В переводе на современные меры получается более 50 л (1 *доу* равен 10,3 л), имеется в виду баснословный объем [川合康三 1996: 77].

²⁴ В старом Китае было принято говорить о себе в третьем лице, но здесь такое обращение явно использовано как литературный прием: автор как бы примеряет на себя литературную маску и тут же ее отбрасывает, см. [Березкин 2020; 2022].

²⁵ Эти персонажи появляются в старинных жизнеописаниях выдающихся деятелей, откуда и происходят те немногие сведения о них, известные нам. О них см. примечания к переводу «Жизнеописания господина из Пули».

Похожую картину частной жизни поэта мы находим в «Жизнеописании Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» Бо Цзюйи. Бо Цзюйи упоминает свой интерес к буддизму, увлечение садовым искусством (он разбил свой сад и при этом путешествовал по окрестностям Лояна в поисках красивых садов и пейзажей), занятия музыкой (поэт сам содержал домашний оркестр и приглашал певиц исполнять модные тогда куплеты-цзы), чтение старинных стихов (при этом подчеркивается, что его любимыми поэтами были Тао Юаньмин и Се Линьюнь 謝靈運 (385–433), один из основателей китайской пейзажной лирики).

Детали частной жизни литератора в «Жизнеописании господина из Пули», естественно, отличаются от автобиографии Бо Цзюйи; Лу Гуймэн рассказывает о своих интересах и увлечениях. Так, он начинает свое произведение со сведений о своем увлечении классическими конфуцианскими книгами: «[Он] любил читать книги древних совершенно-мудрых людей, изучал шесть классиков[-конфуцианцев], познавал „великие истины“ и среди них особенно увлекся „Чуньцю“, выбирая и извлекая из него глубокие мысли». Особо отмечается пристрастие автора к сочинениям Ван Туна 王通 (584–617), которые давали новую интерпретацию «Чуньцю» – важнейшему из классических текстов, составление которого приписывается самому Конфуцию. В то же время он критиковал труд Хань Хуана 韓滉 (723–787) «Общие положения Чуньцю» (*Чуньцю тун ли* 春秋通例), которые некогда были вырезаны на камне, чтобы обеспечить их сохранность. Лу Гуймэн не признавал его трактовку, считая, что она искажает и затемняет первоначальный смысл канонического текста, и для того чтобы указать на ошибки Хань Хуана, которые могут ввести в заблуждение учащихся, литератор, по его словам, «написал книгу, в которой выделил [эти положения] и оспаривал их»²⁶.

Интерес Лу Гуймэна к «Чуньцю» отмечается и в его биографии в «Новой книге Тан» [歐陽修 1997, т. 18, цз. 196: 5612]. Несмотря на свое конфуцианское образование, Лу Гуймэну в то же время было близко и учение даосов. Существуют исторические сведения о его общении с даосами горы Маошань, находящейся вблизи Нанкина, которая с древности была центром даосизма в этом регионе [Schafer 1980: 31–32, 37–38]. Идеал отшельника, отрешенного от мирских дел, который воспева-

²⁶ Название этого сочинения Лу Гуймэна и сведения, сохранилось ли оно, нам найти не удалось.

ется в «Жизнеописании господина из Пули», близок даосским представлениям. Неслучайно в «Новой книге Тан» биография Лу Гуймэна помещена в раздел «Отшельники и ушедшие со службы», где присутствуют и даосские деятели того времени. Это наглядно свидетельствует о синтезе конфуцианства и даосизма в интеллектуальной жизни литераторов того времени.

В числе своих увлечений в «Жизнеописании господина из Пули» Лу Гуймэн упоминает собирание книг, что характерно для подобного рода автобиографий. Страсть к чтению упоминается уже в «Жизнеописании Господина [под Сенью] Пяти Ив»: «[Он] любил читать, но не искал [в книгах] глубокого понимания, и каждый раз, когда [он что-нибудь] осознавал [из прочитанного], то приходил в восторг и забывал о еде» (好讀書，不求甚解，每有會意，便欣然忘食). Танские и сунские литераторы в описании своей жизни следовали за этим образцом²⁷.

Скромно оценивая свою библиотеку, Лу Гуймэн пишет: «Хотя [книг] в [его] собрании было мало, все [они были] изысканные, достоверные, истинные и выверенные, и можно было [их] дать другим взаймы». Очевидно, что в этом тексте речь идет о рукописной книге²⁸; в тексте раскрываются особенности составления частных библиотек в эпоху, предшествующую печатной книге. «Получив книгу, [он] подробно [с ней] ознакомился и после этого только клал ее среди других книг. [Когда же ему] встречалась другая ее копия, [он] тут же сверял [ее со своей], и так снова и снова, не ставя себе [в этом] пределов. Кисти с красной и желтой тушью (которыми делались исправления и пометки в текстах. – *Р.Б.*) [он] ни на один день не выпускал из рук». Таким образом, Лу Гуймэн не просто собирал книги, но сверял их по нескольким доступным ему вариантам, исправлял в них неточности и ошибки. Именно благодаря труду литераторов прошлого, которые переписывали и редактировали старинные тексты, до нас дошли многие сочинения «допечатной» эпохи, причем часто в нескольких редакциях, принадлежащих нескольким ученым. Интересно также упоминание практики обмена книгами,

²⁷ Собирание книг как одно из пяти увлечений автора упоминается в более позднем «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» Оуян Сю.

²⁸ Ксилографический способ печати был известен в эпоху Тан, и даже сохранились образцы ксилографов того времени. Тем не менее печатная книга получила распространение в Китае только в эпоху Сун, намного позже времени жизни Лу Гуймэна.

которые литераторы брали друг у друга займы, часто также для того, чтобы сверять разные варианты.

Особое место в «Жизнеописании господина из Пули» отводится литературному творчеству, что также составляет одну из особенностей традиционного автобиографического жанра, начиная с «Жизнеописания Господина [под Сенью] Пяти Ив». В тексте Тао Юаньмина говорится: «[Он] часто сочинял прозу для собственной забавы, в которой очень [желал] показать свои устремления, и [при этом] забывал задуматься над тем, [что] вышло удачно, [а что] – нет. И так до конца своей [жизни]» (常著文章自娛，頗示己志。忘懷得失，以此自終)。О своем поэтическом творчестве в шутильной форме пишет и Бо Цзюйи в «Жизнеописании Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи»: «Так [он] провел целые десять лет, за эти дни [он] сложил больше тысячи стихов и за эти годы приготовил²⁹ несколько сотен ху вина³⁰, но [стихи] сочиненные, как и [вино], приготовленное до и после этого десятилетия, [в это число] не входят» (如此者凡十年，其間日賦詩約千餘首，歲釀酒約數百斛，而十年前後賦釀者不與焉)。В «Жизнеописании господина из Пули» Лу Гуймэн упоминает как поэзию, так и прозу: «В молодости он занимался песнями и стихами и хотел потягаться во власти с создателем вещей». В другом месте он пишет: «Господин, живя на покое, развлекал себя [сочинением] прозы и, даже [пребывая] в грусти и печали, в болезни и горести, по-прежнему, [даже если] в нужде не было средств к существованию и на десять дней, никогда не прекращал [сочинять даже] на время».

Одной из особенных тем в «Жизнеописании господина из Пули» является сельское хозяйство. Несмотря на то что мы здесь также можем усмотреть влияние традиции, идущей от Тао Юаньмина³¹, сведения, данные Лу Гуймэном о собственном хозяйстве, очень точны и конкретны. Согласно «Жизнеописанию господина из Пули», литератор сам принимал участие в полевых работах, что, вероятно, является преувеличением, свойственным литературе того времени: «Господин часто бывал в нуж-

²⁹ В минских и цинских изданиях собраний сочинений Бо Цзюйи также вместо слова «год» (*суй*) стоит *жи* 日 (дни), и тогда смысл также «в эти дни», «за это время», как и в первой части фразы; см. [白居易 1988, т. 6: 3785].

³⁰ Один ху в эпоху Тан соответствовал 59,44 л.

³¹ В произведениях Тао Юаньмина часто упоминаются полевые работы, см., например, «Строфы о возвращении [домой]» (*Гуйцзюй лай си цы* 歸去來兮辭, ок. 406 г.); в пер. В.М. Алексеева – «Домой, к себе. Напевные строфы» [Алексеев 1958: 176].

де и голоде, и в амбарах у него не было запасов на *шэн* и *доу*³², тогда он самлично брал в руки корзину и лопату и вставал во главе пахарей, чтобы работать этими инструментами». Тем не менее известно, что Лу Гуймэн действительно увлекался сельским хозяйством, сочинил трактаты в этой области. Особенно известен его «Канон сохи и плуга» (*Лэй сы цзин* 耒耜經), где дается подробное описание усовершенствованного плуга того времени [Еремеев 2009: 285]. Эта работа Лу Гуймэна рассматривается как значительный вклад в развитие техники и инженерной мысли Китая.

Кроме того, в тексте идет речь о заливных полях, используемых для рисосеяния, в дельте реки Янцзы, недалеко от которой находился городок Пули: «А канавы между полями – [если] летний дождь [льет] день и ночь, то сливаются с рекой, и невозможно различить, где свои поля, а где – чужие». Таким образом, в «Жизнеописании господина из Пули» появляется местный колорит, в нем раскрываются особенности жизни и ведения хозяйства в местности, уроженцем которой был его автор. Здесь же мы опосредованно видим сочувствие трудовому народу, которое часто проявляется в стихах танских поэтов, что уже неоднократно отмечалось исследователями, особенно в отечественной традиции [Эйдлин 1987: 5–7].

Лу Гуймэн в «Жизнеописании господина из Пули» также достаточно подробно рассказывает о своем увлечении чаем, что является важной приметой того времени. Именно в эпоху Тан чай стал популярным напитком ученого сословия, что нашло отражение в литературных произведениях того времени³³. Чай часто упоминается в стихах танских поэтов [Алексеев 2002, т. 1: 262]. Лу Гуймэн был одним из самых ранних литераторов, воспевавших чай, а также посвятил ему трактат, не дошедший до нашего времени. В «Жизнеописании господина из Пули» он упоминает и другие знаменитые трактаты о чае, которые уже существовали в то время и сохранились до наших дней: это произведения Лу Юя 陸羽 (733–804) и монаха Цзяожаня 皎然 (730–799) «Канон чая» (*Ча цзин* 茶經) и «Секреты чая» (*Ча цзюэ* 茶訣), а также сочинение Чжан Юсиня 張又新 «Рассуждение о воде» (*Шуй шо* 水說). Важным секретом приготовления чая являлось использование воды знаменитых источников (этой теме и был посвящен трактат Чжан Юсиня); для этой цели Лу Гуймэн

³² Меры объема, в танское время равные примерно 6 л и 60 л.

³³ См., например [Maig, Hoh 2009: 49–59].

просил знакомых специально привозить ему воду из этих родников, даже если они отстояли от его дома на расстоянии десятков километров.

Лу Гуймэн также является автором цикла из десяти стихотворений под названием «Пищу в рифму с Симэем (Пи Жисю. – Р.Б.) десять стихов, воспевающих предметы для чаепития» (*Фэн хэ Симэй ча цзюй ши юн* 奉和裴美茶具十咏). Эти произведения отражают ранний этап сложения искусства чаепития, так называемой чайной церемонии, в танском Китае.

Интересно, что в «Жизнеописании господина из Пули» чай выступает альтернативой винопития, которое стало обычной темой в подобного рода жизнеописаниях, начиная с текста Тао Юаньмина. Тем не менее и Лу Гуймэн отдает дань этому увлечению, говоря, что «поначалу из-за любви к вину заболел, так что его жизненные силы нарушились и пришли в упадок на два года», и только по прошествии их он смог снова встать. Тем не менее господин из Пули продолжал угощать своих гостей вином, хотя сам уже «не подносил чарку ко рту». Противопоставление чая и вина тоже характерно для литературы этой эпохи [Mair, Huh 2009: 259–261]. В. Бауэр также усматривает в предпочтении чая вину у Лу Гуймэна возможное влияние творчества Лу Юя: этот мастер чая также известен созданием своей автобиографии, которая по степени реалистичности значительно отличалась от текстов в традиции «Жизнеописания Господина [под Сенью] Пяты Ив» [Bauer 1990: 250]³⁴.

Значительное место в «Жизнеописании господина из Пули» отводится описанию особенностей характера героя. В самом начале текста говорится: «Господин по природе [своей] был грубым и отстраненным [от мирских забот], не признавал ограничений и сдержанности». В дальнейшем описывается стиль жизни отшельника, который не терпит условностей, принятых в обществе, и намеренно избегает социальных контактов: «По природе [своей он] не любил общаться с заурядными людьми, и хоть [такие] и прибывали к [его] воротам, [они] не могли увидеть [его]. [Он] не держал повозку и лошадей и не занимался [визитами] для поздравления или соблазнования. [Когда же] у „внутренних и внешних“ родственников³⁵, а также родни по браку устраивали летние и зимние жертвоприношения, похороны и жертвы душе [покойного], [он] никогда своевременно не отправлялся [к ним]».

³⁴ См. также [川合康三 1996: 175–177].

³⁵ Комментарии к терминам см. в переводе текста.

В «Жизнеописании» Лу Гуймэна создается образ человека вспыльчивого и не терпящего лжи и лицемерия: «Господин по природе [своей] был горяч и порывист; [если он] сталкивался с [каким-либо неприятным] делом, то приходил в гнев, никогда не терпел [обид] и тут же раз за разом сожалел об этом». При этом господин из Пули оставался довольно отходчивым человеком, не ругал людей, которые брали его книги и портили их или же оставляли их у себя и не возвращали. Он был снисходительным даже в таком деликатном деле, как воровство литературных произведений (плагиат): «Если же [он] написал [какое-либо] произведение, а кто-нибудь из любивших [литературные] труды брал и уносил [его]; потом, увидя его в домах других людей, [он] не называл уже [его] своим сочинением». Таким образом, в «Жизнеописании господина из Пули» создан достаточно детальный психологический портрет, который мы редко находим в классической литературе подобного рода.

Также в «Жизнеописании господина из Пули» описываются такие особые увлечения Лу Гуймэна, как путешествия и рыбалка. Особенностью этих странствий было использование лодки (а не коня или паланкина) для передвижения, что также связано с местными особенностями пейзажа. Окрестности городов Сучжоу и Сунцзяна известны изобилием водных артерий, которые в старину являлись важными путями передвижения. Как пишет Лу Гуймэн, «когда же холод и жара были в норме, самочувствие прекрасным [и у него] не было дел, [господин] садился в маленькую лодку, устраивал в ней полог и циновку, брал с собой связку книг, печь для поджаривания чайного листа, подставку для кистей, снасти для рыбной ловли, гребца, да и только». Пейзажная лирика, в которой описываются виды окрестностей Сучжоу, составляет важную часть творческого наследия поэта. Рыболовство представляло еще одно особое увлечение поэта, благодаря которому имя его навсегда осталось в истории китайской культуры. Известны стихотворения Лу Гуймэна, посвященные снастям для рыбной ловли, также отражающие его увлечение.

Из-за любви к прогулкам в лодке Лу Гуймэн получил еще один псевдоним — Праздный человек рек и озер (Цзян-ху сань жэнь 江湖散人), также нашедший отражение в его творчестве³⁶. Лу Гуймэн создал

³⁶ В более позднее время выражение «реки и озера» стало использоваться для обозначения жизни разбойников или преступного мира, но в эпоху Лу Гуймэна такой коннотации у него еще, вероятно, не было.

«Жизнеописание Праздного человека рек и озер» (*Цзян-ху сань жэнь чжуань* 江湖散人傳), тоже сохранившееся до нашего времени³⁷. Его первый перевод на русский язык также помещен в приложении к данной статье.

В этом еще более коротком тексте развиваются многие темы «Жизнеописания господина из Пули», в особенности важна его трактовка слова «праздный», которое также может иметь значение «рассеянный», «никчемный», «бездельный» и т.д. [Ошанин 1983, т. 3: 1072]: «С праздными мыслями, праздными намерениями, праздной формой, праздным духом, [у него] ни в чем не было ограничений, [он] стал странным персонажем [своего] времени. Те же, кто были скованы ритуалом и музыкой (т.е. конфуцианские ученые. – Р.В.), отдаляясь от него, говорили: „Это праздный человек“. Это прозвание, которое может применяться в негативном смысле, Лу Гуйэнь использовал в свою пользу, доказывая полезность «праздности» в повседневной жизни и творчестве: «Праздный человек не знал стыда, и тогда [он сам стал] так называться. Люди иногда, смеясь [над ним], говорили: „Другие [считают] недостатком твою праздность и смотрят на тебя [презрительно], а ты, наоборот, взял это своим прозвищем, почему это?“» «Праздность» выступает также эквивалентом свободы, гибкости, без которой невозможны перемены в мире. Лу Гуйэнь использует сравнения с природными явлениями, доказывая свои положения, и заключает свое сочинение утверждением о необходимости «праздности» в различных жизненных обстоятельствах: «Если, уйдя на покой, не будешь праздным, будешь сохранять способ [упрочить свое] имя. Если, поступив на службу, не будешь праздным, будешь удерживать [лишь] временную власть. А стоит ли сохранять способ [утвердиться]?» Интересно, что в этой фразе Лу Гуйэнь использует метафору «верши для рыбной ловли» (*цюань* 筌/荃, в переносном значении – способ, уловка), которая происходит из «[Трактата] учителя Чжуана» (*Чжуан-цзы* 莊子), знаменитого даосского сочинения древности, что находит соответствие в его увлечениях как даосским учением, так и рыбной ловлей. В связи с этим следует также отметить близость дискурса Лу Гуйэна в «Жизнеописании праздного человека

³⁷ Это краткое «жизнеописание» выступает также в роли прозаического вступления к «Песне Праздного человека рек и озер» (*Цзян-ху сань жэнь гэ* 江湖散人歌), которая была включена в цинское собрание танской поэзии [全唐詩 1960, цз. 621: 7146].

рек и озер» соответствующим мыслям у Чжуан-цзы: о пользе бесполезного, преимуществе жизни вне государственной службы и т.д. [Малявин 2004: 57–58].

Таким образом, «Жизнеописание господина из Пули» Лу Гуйэна является редким ранним образцом китайской автобиографической литературы, оно сохраняет своеобразие традиционной «идеализированной автобиографии», следующей образцам Тао Юаньмина и Ван Цзи. Несомненно, ближайшим предшественником «Жизнеописания» Лу Гуйэна является другой знаменитый текст этой формы чуть более раннего времени — «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» Бо Цзюйи, хотя у Лу Гуйэна он не упоминается. Вместе с тем, в отличие от предшествующих текстов в этой традиции, «Жизнеописание господина из Пули» дает развернутую психологическую характеристику героя, подробно и с юмором рассказывает о его увлечениях, пристрастиях и недостатках. Произведением, близким к нему по содержанию и настроению, является «Жизнеописание Праздного человека рек и озер», в котором дается философское обоснование «праздного» стиля жизни поэта, его отстраненности от мирских тем. Этот текст также должен рассматриваться в контексте традиционной автобиографической литературы.

«Жизнеописание господина из Пули» включает многие реалии того времени, что помещает его в контекст литературной и культурной жизни эпохи Тан и делает характерным для подобного рода автобиографических текстов танского и сунского времени. В сочинении Лу Гуйэна мы можем наблюдать сочетание традиционных черт (условностей жанра) и новаторства, индивидуальности и реализма.

Лу Гуймэн

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ГОСПОДИНА ИЗ ПУЛИ

甫里先生者，不知何許人也。人見其耕於甫里，故云。

Господин из Пули – не знаю, откуда [он происходил]. Люди видели его пахущим [на поле] в Пули, поэтому [так его] и прозвали.

先生性野逸，無羈檢。好讀古聖人書，探六籍，識大義，就中樂《春秋》，抉摛微旨。見有文中子王仲淹所為書，云「三傳作而《春秋》散」，深以為然。

Господин по природе [своей] был грубым и отстраненным [от мирских забот], не признавал ограничений и сдержанности. [Он] любил читать книги древних совершенномудрых людей, изучал шесть классиков¹, познавал «великие истины»² и среди них особенно увлекся «Чуньцю»³, выбирая и извлекая из него глубокие мысли. Узнав, что Ван Чжуньянь – Учитель Вэньчжун⁴, [он] сочинил книгу, [в которой] говорилось: «Три предания создали, а „Чуньцю“ распался», и с глубоким [чувством] заключил, что все это так, [как он написал].

貞元中，韓晉公嘗著《春秋通例》，刻之於石，竟以是學為己任。而顛倒漫漶，翳塞無一通者。殆將百年，人不敢指斥疵類。先生恐疑誤後學，乃著書撫而辨之。

В эру под девизом Чжэньюань⁵ Цзиньский гун Хань [Хуан]⁶ написал «Общие положения Чуньцю» и вырезал их на камне, сделав [распространение] этого учения своей задачей, но [смысл текста там] извращен и неясен настолько, что ни одно [положение] нельзя понять. Вероятно, через сто лет люди не осмелятся указывать и порицать [его]

¹ Или «Шестикнижие» – конфуцианский канон.

² То есть основное содержание канона.

³ «Вёсны и осени» – трактат, создание которого приписывалось Конфуцию.

⁴ Ван Тун 王通 (584–617; второе имя – Ван Чжуньянь 王仲淹, посмертное имя – Вэньчжун-цзы 文中子, Учитель Вэньчжун) – литератор и философ, прославившийся своими оригинальными толкованиями конфуцианской классики; оказал значительное влияние на развитие конфуцианской мысли в последующую эпоху Тан.

⁵ 785–805 гг.

⁶ Хань Хуан 韓滉 (723–787) – выдающийся ученый и художник, автор нескольких конфуцианских сочинений. В 785 г. получил титул Цзиньского гуна 晉國公.

ошибки. Господин боялся, что это приведет в заблуждение ученых последующих поколений, поэтому написал книгу, в которой выделил [эти положения] и оспаривал их.

先生平居以文章自怡，雖幽憂疾痛中，落然無旬日生計，未嘗暫輟。

Господин, живя на покое, развлекал себя [сочинением] прозы, и даже [пребывая] в грусти и печали, в болезни и горести, по-прежнему, [даже если] в нужде не было средств к существованию и на десять дней, никогда не прекращал [сочинять даже] на время.

點竄塗抹者，紙扎【劊】相壓，投於箱篋中，歷年不能淨。寫一本，或為好事者取去，後於他人家見，亦不復謂己作矣。

[Господин] постоянно вносил в текст исправления, вымарывал и замазывал, так что листки бумаги и таблички для письма давили друг на друга, бросал их в ящик и коробочки и годами не мог [переписать] начисто. Если же [он] написал [какое-либо] произведение, а кто-нибудь из любивших [литературные] труды брал и уносил [его]; потом, увидя его в домах других людей, [он] не называл уже [его] своим сочинением.

少攻歌詩，欲與造物者爭柄。遇事輒變化，不一其體裁。

В молодости он занимался песнями и стихами и хотел потягаться во власти с создателем вещей. Каждый раз, когда он встречался с делами, в которых [происходили] изменения, он не [ограничивался] одной формой.

始則凌轢波濤，穿穴險固，囚鎖怪異，破碎陣敵，卒造平淡而後已。

Поначалу он бороздил волны, проникал в труднодоступные места, сковывал странные наваждения, разбивал ряды врагов; но в конце стал [ко всему] равнодушен и потом остановился [в своей активности].

好潔，几格、窗戶、硯席，翦然無塵埃。

[Он] любил чистоту; на столике и полке [под ним]⁷, окнах⁸, тушечнице и циновке вовсе не было пыли.

⁷ Полка под низким столиком служила для того, чтобы класть туда книги.

⁸ Сочетание *чуан-ху* 窗戶 в древнекитайском языке может также иметь значение «окна и двери», однако в более поздних текстах это просто «окно» или «окна».

得一書，詳熟，然後置寘於方冊。值本即校，不以再三為限。

Получив книгу, [он] подробно [с ней] ознакомился и после этого только клал [ее] среди других книг. [Когда же ему] встречалась другая ее копия, [он] тут же сверял [ее со своей], и так снова и снова, не ставя себе [в этом] пределов.

朱、黃二毫，未嘗一日去於手。

Кисти с красной и желтой тушью⁹ [он] ни на один день не выпускал из рук.

所藏雖少，咸精實正定，可傳借人。

Хотя [книг] в [его] собрании было мало, все [они были] изысканные, достоверные, истинные и выверенные, и можно было [их] дать другим займамы.

書有編簡斷壞者，緝之；文字繆誤者，刊之。

[Если] в книге бечева или планки¹⁰ разорвались или сломались, [он] чинил их; [если] же в иероглифах были ошибки – исправлял их.

樂聞人為學，講評通論不倦。有無賴者，毀折糝汗，或藏去不返，先生蹙然自咎。

[Господин] радовался, услышав, что люди занимаются учебой; разъяснял, оценивал и разбирал в комментариях, не зная устали¹¹. Если же были негодяи, которые портили, рвали, смешивали [листы в книгах] и пачкали [их] или же забирали [книги] в свою библиотеку и не возвращали; господин же [в этих случаях только] печалился и упрекал самого себя.

先生貧而不言利。問之，對曰：「利者，商也。人既士矣，奈何亂四人之業乎？且仲尼、孟軻氏之所不許。

⁹ Красной и желтой тушью делали пометки и исправления в текстах.

¹⁰ Термины «бечева» (завязки) и «планки» относятся к той эпохе, когда книги в Китае составлялись из бамбуковых планок. В эпоху Лу Гуйэна книги писались на бумаге, но эти понятия сохранились в более позднее время; здесь имеется в виду переплет книги.

¹¹ Очевидно, это аллюзия на выражение из «Бесед и суждений» (*Луэньюй* 論語, гл. 34), которое приписывается Конфуцию: «Учась, [никогда] не знал пресыщения; наставляя других, не знал усталости» (學而不厭、誨人不倦).

Господин был беден и не говорил о выгоде. [Когда же] его спрашивали [об этом], он отвечал так: «Выгода – это для торговцев, а раз человек является ученым, как он может нарушать распределение занятий между четырьмя [категориями] граждан¹²? Да и господа Чжун Ни и Мэн Кэ¹³ такого не разрешали».

先生之居，有池數畝，有屋三十楹，有田疇十萬步，有牛不減四十蹄，有耕夫百餘指。

В поместье господина были пруды [размером] в несколько му¹⁴, была усадьба, [включавшая] тридцать построек, были поля [длиною] в сотню тысяч шагов, были быки – не меньше сорока копыт, были и пахари – больше сотни пальцев¹⁵.

而田汙下，暑雨一晝夜，則與江通，無別己田、他田也。

А канавы между полями – [если] летний дождь [льет] день и ночь, то сливаются с рекой, и невозможно различить, где свои поля, а где – чужие¹⁶.

先生由是苦饑，困倉無升斗蓄積。乃躬負畚鍤，率耕夫以為具。

По этой причине господин [часто] бывал в нужде и голоде, и в амбарах у него не было запасов на *шэн* и *доу*¹⁷, тогда [он] самолично брал в руки корзину и лопату и вставал во главе пахарей, чтобы работать этими инструментами.

由是歲波雖狂，不能跳吾防、溺吾稼也。或譏刺之，先生曰：「堯、舜黜瘠，大禹胼胝。彼非聖人耶？吾一布衣耳，不勤劬，何以為妻子之天乎？且與其蚤虱名器、雀鼠倉庾者何如哉？」

¹² Уже в классических памятниках древнего Китая встречается разделение населения на четыре категории (сословия) – *сы минь* 四民, т.е. ученые (служащие, чиновники), крестьяне, ремесленники и торговцы. Официально это разделение, общепринятое в политической мысли, продолжало существовать и в более позднее время.

¹³ Чжун Ни и Мэн Кэ – личные имена величайших философов древнего Китая – Конфуция (Кун-цзы) и Мэн-цзы.

¹⁴ Му – единица площади, равная примерно 0,06 га.

¹⁵ В русском языке более привычным был бы оборот «не менее десятка рук».

¹⁶ Речь идет о заливных полях, использовавшихся для рисосеяния, которые были обычны в районе дельты реки Янцзы.

¹⁷ Меры объема, в танское время равные примерно 6 и 60 л.

И пусть даже волны [наводнений] каждый год огромны, они больше не могли перелиться через мои межи, затопить мои посевы. [Когда] некоторые высмеивали его, господин говорил: «Я и Шунь почернели и отощали, у Юя были мозоли [на руках и ногах]. А они разве не были совершенномудрыми? А я всего лишь [человек] в холщовых одеждах¹⁸, [если я] не буду усердно трудиться, чем я обеспечу дни моих жены и детей? Разве лучше будет [такая жизнь], чем у блох и вшей в знатном доме¹⁹, у воробьев и мышей в амбарах и житницах?»²⁰.

先生嗜茶菴，置小園於顧渚山下，歲入茶租十許簿，為甌臡之費。

Господин пристрастился к чаю позднего сбора и разбил маленький сад под горой Гудушань²¹. Каждый год чайную ренту из десяти с лишним счетных книг он пускал на расходы на чашки и лодки.

自為《品第書》一篇，繼《茶經》、《茶訣》之後。南陽張又新嘗為《水說》，凡七等。其二曰惠山寺石泉，其三曰虎邱寺石井，其六曰吳松江。是三水距先生遠不百里，高僧逸人時致之，以助其好。

Он сочинил «Книгу об оценке вкуса»²², тем продолжая «Канон чая»²³ и «Секреты чая»²⁴. Чжан Юсинь из Наньяна некогда сочинил «Рассуждения о воде»²⁵, разделив [ее] на семь категорий. Вторая из них

¹⁸ То есть простолоудин.

¹⁹ Досл. «в утвари знатных [домов]». Сочетание «мин-ци» происходит из классического памятника «Цзочжуань» 左傳 – комментарий на «Весны и осени» (Чуньцю 春秋), который традиционно приписывается древнему историографу Цзо Цюймину 左丘明 (ок. V в. до н.э.).

²⁰ То есть Лу Гуймэн осуждает здесь паразитический образ жизни небогатых служилых людей, литераторов.

²¹ Гуду-шань – невысокая гора в окрестностях г. Хучжоу в современной провинции Чжэцзян, знаменитая своими родниками и плантациями чая. Местный чай широко прославился в танскую эпоху, его признавал лучшим Лу Юй 陸羽 (733–804), один из первых известных мастеров приготовления чая, основатель «чайной культуры» Китая; он написал «Записки о горе Гуду» (Гуду-шань цзи 顧渚山記).

²² Книга о чае, до настоящего времени не сохранилась.

²³ Знаменитая книга Лу Юя, первый известный трактат о чае.

²⁴ Знаменитая книга монаха Цзяожаня 皎然 (730–799), поэта и теоретика литературы, а также знатока чая.

²⁵ Имеется в виду текст Чжан Юсиня «Записки о воде для заваривания чая» (Цянь ча шуй цзи 煎茶水記, ок. 814 г.), первая известная работа, посвященная знаменитым источникам, из которых брали воду для заваривания чая.

называется «Каменный источник горы Хуэй-шань»²⁶, третья – «Каменный колодец Храма Тигриного холма»²⁷, шестая – «[исток] реки Усун-цзян»²⁸. Эти три [источника] воды отстоят от жилища Господина на расстоянии меньше ста ли, достойные монахи и отшельники время от времени доставляют ему эту воду, чтобы помочь его увлечениям.

先生始以喜酒得疾，血敗氣索者二年，而後能起。

Господин поначалу из-за любви к вину заболел, так что его жизненные силы нарушились²⁹ и пришли в упадок на два года, только потом он смог [снова] встать.

有客至，亦潔樽置觶，但不復引滿向口耳。

Когда же приходили гости, [он] по-прежнему мыл чарки и выставил кубки³⁰, но уже не подносил их наполненными ко рту, как раньше.

性不喜與俗人交，雖詣門，不得見也。不置車馬，不務慶吊。內外姻黨，伏臘喪祭，未嘗及時往。

По природе [своей он] не любил общаться с заурядными людьми, и хоть [такие] и прибывали к [его] воротам, [они] не могли увидеть [его]. [Он] не держал повозку и лошадей и не занимался [визитами] для поздравления или соболезнования. [Когда же] у «внутренних и внешних» родственников³¹, а также родни по браку³² устраивали летние и зимние жертвоприношения³³, похороны и жертвы душе [покойного], [он] никогда своевременно не отправлялся [к ним].

或寒暑得中，體佳無事時，則乘小舟，設蓬席，齋一束書、茶竈、筆牀、釣具、櫂【棹】船郎而已。

²⁶ Гора Хуэй-шань – одна из достопримечательностей г. Уси в Цзянсу.

²⁷ Тигринный холм – одна из достопримечательностей г. Сучжоу в Цзянсу.

²⁸ Усун-цзян – река на территории современного Шанхая.

²⁹ Досл. «кровь и ци (жизненная энергия)» – важные понятия в традиционной китайской медицине.

³⁰ Чжи 觶 – кубок, сделанный из рога.

³¹ То есть родственники по отцовской и материнской линии.

³² Имеется в виду прежде всего родня жены.

³³ Традиционный ритуал жертвоприношения духам и предкам в самый жаркий период лета (начиная со дня летнего солнцестояния 22 июня) и 8-го числа последнего месяца года по лунному календарю.

Когда же холод и жара были в норме, самочувствие прекрасным [и у него] не было дел, [господин] садился в маленькую лодку, устраивал в ней полог и циновку, брал с собой связку книг, печь для поджаривания чайного листа, подставку для кистей, снасти для рыбной ловли, гребца, да и только.

所詣小不會意，徑還不留，雖水禽決起，山鹿駭走之不若也。

[Он] отправлялся [в разные места] на короткое время и не заострял [на них] свое внимание, быстро возвращался, не оставаясь [там надолго]. Хотя водные птицы стремительно взлетают и горные олени в испуге убегают, они не сравнились бы [с ним в быстроте].

人謂之「江湖散人」，先生乃著《江湖散人傳》而歌詠之。

Люди называли его Праздным Человеком Рек и Озер, и тогда господин сочинил «Жизнеописание Праздного Человека Рек и Озер», да и воспел его в [отдельной] песне³⁴.

由是渾毀譽不能入利口者，亦不復致意。先生性狷急，遇事發作，輒不含忍，尋復悔之，屢改不能已。

По этой причине [его] репутация была полностью попорчена и [он] не мог попасть [в ряды] красноречивых [и ловких] людей³⁵, да [он] и не свидетельствовал [им свое] почтение. Господин по природе [своей] был горяч и порывист; [если он] сталкивался с [каким-либо неприятным] делом, то приходил в гнев, никогда не терпел [обид] и тут же раз за разом сожалел об этом. [Он] многократно [пытался] исправиться, но не мог сдерживать [себя].

先生無大過，亦無出入人事，不傳姓名，世無有得之者。豈涪翁、漁父、江上丈人之流者乎？

У господина не было больших ошибок, а также [он] не вмешивался в дела [других] людей, [он] не оставил [после себя] фамилию и имя, и в мире не было таких, кто бы мог понять его [замыслы]. Разве он не был

³⁴ Имеется в виду «Песнь о Праздном Человеке Рек и Озер».

³⁵ Вероятно, здесь имеются в виду люди, достигшие успеха с помощью своего красноречия и умения ловко решать дела.

из разряда [таких персонажей], как старец Пэй³⁶, Отец-рыбак³⁷ или Муж над Цзяном³⁸?

³⁶ Старец Пэй – знаменитый врач, живший на рубеже новой эры (период Восточной Хань) в уезде Пэй (современный Мяньян в Сычуани), прославился как своим умением, так и бескорыстием. Он был учителем другого знаменитого врача того времени – Го Юя 郭玉, также был известен как автор нескольких сочинений по медицине, которые не дошли до нашего времени, см. [范曄 1997, т. 10, цз. 82 (72): 2735].

³⁷ Мудрый старец, который давал советы поэту Цюй Юаню в одноименном прозаическом тексте из собрания «Чуские строфы» (*Чу цы* 楚辭), русский перевод см. [Алексеев 1958: 42–43], тж. [司馬遷 1997, т. 8, цз. 84 (24): 2486]. Подлинное имя его неизвестно.

³⁸ Муж над Цзяном – вероятно также рыбак (лодочник), который, по преданию, помог бежать из Чу знаменитому политическому деятелю У Цзысюю 伍子胥 (559–484 гг. до н.э.). Имя спасителя осталось для У Цзысюя неизвестным. История их встречи изложена в рассказе из сборника Хуанфу Ми 皇甫謐 (215–282) «Жизнеописание знаменитых отшельников» (*Гао ши чжуань* 高士傳).

Лу Гуймэн

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПРАЗДНОГО ЧЕЛОВЕКА РЕК И ОЗЕР

散人者，散誕之人也。

Праздник человек был человеком, который шатался [повсюду].

心散、意散、形散、神散，既無羈限，為時之怪民，束於禮樂者外之曰，此散人也。

С праздными мыслями, праздными намерениями, праздной формой, праздным духом, [у него] ни в чем не было ограничений, [он] стал странным персонажем [своего] времени. Те же, кто были скованы ритуалом и музыкой¹, отдаляясь от него, говорили: «Это праздник человек».

散人不知恥，乃從而稱之。人或笑曰：彼病子散而目之，子反以為其號，何也？

Праздник человек не знал стыда, и тогда [он сам стал] так называться. Люди иногда, смеясь [над ним], говорили: «Другие [считают] недостатком твою праздность и смотрят на тебя [презрительно], а ты, наоборот, взял это своим прозвищем, почему это?»

散人曰：「天地，大者也。在太虛中一物耳，勞乎覆載，勞乎運行，差之晷度，寒暑錯亂，望斯須之散，其可得耶？」

Праздник человек ответил: «Небо и земля – они великие. [Но они] всего лишь одна вещь в великой пустоте, [пребывают] в трудах потому, чтобы покрывать и нести на себе [все сущее], в трудах потому, чтобы осуществлять движение, не могут отклониться ни на градус от орбиты², нарушить [смену] холода и жары; [если] они и захотят стать праздными, разве смогут они достичь [этого]?»

水土之散，皆有用乎。

Праздность воды и почвы, [она] всегда имеет пользу!

¹ Имеются в виду ученые-конфуцианцы, ритуалы и музыка входят в число основных ценностей конфуцианства.

² Досл. «градус на солнечных часах».

水之散，為雨、為露、為霜雪。水之局，為瀦、為洳、為潢汗。

Когда вода праздна, она становится дождем, становится туманом, становится инеем и снегом. Когда вода ограничена, она становится прудом, становится топью, становится заводью³.

土之散，封之可崇、穴之可深、生可以藝、死可以入。

Когда почва праздна, сделавшись валом, [она] может возвышаться, сделавшись пещерой, [она] может уйти вглубь; при жизни можно [обрабатывать ее] с искусством, а после смерти можно и войти [в нее]⁴.

土之局，墳不可以為埏、甕不可以為孟。

Когда почва ограничена, то из сюаня⁵ не сделаешь формы [для черепицы], из чана не сделаешь чаши.

得非散能通於變化，局不能耶？退若不散，守名之筌；進若不散，執時之權。筌可守耶？

Не потому ли, что праздность может проходить через перемены, а ограниченность не может? Если, уйдя на покой, не будешь праздным, будешь сохранять способ [упрочить свое] имя⁶. Если, поступив на службу, не будешь праздным, будешь удерживать [лишь] временную власть. А стоит ли сохранять способ [, когда уже утвердился]?

³ Очевидно, здесь имеются в виду хранилища воды.

⁴ Здесь имеется в виду погребение в могиле.

⁵ Сюань – духовой инструмент из обожженной глины.

⁶ «Способ» (сюань 筌/荃) – дословно «верша», инструмент для ловли рыбы. Выражение происходит из книги «[Трактат] учителя Чжуана» (Чжуан-цзы 莊子): «Вершей пользуются для того, чтобы поймать рыбу. Поймав рыбу, забывают про вершу. Ловушкой пользуются для того, чтобы поймать зайца. Поймав зайца, забывают про ловушку. Словами пользуются для того, чтобы выразить смысл. Постигнув смысл, забывают про слова. Где бы найти забывшего про слова человека, чтобы побеседовать с ним?». 荃者所以在魚，得魚而忘荃；蹄者所以在兔，得兔而忘蹄；言者所以在意，得意而忘言。吾安得忘言之人而與之言哉？ Русский перевод см. [Маявлин 2004: 261].

Библиографический список

Алексеев В.М. (пер.). Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексеева / под ред. Л.З. Эйдлина. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

Алексеев В.М. Темы танской поэзии // Труды по китайской литературе / Сост. М.В. Баньковская; отв. ред. Б.Л. Рифтин. – М.: Вост. лит., 2002. Т. 1. С. 251–276.

Алексеев В.М. (пер.). Шедевры китайской классической прозы в переводах академика В.М. Алексеева / под ред. Л.З. Эйдлина и Л.Н. Меньшикова. – М.: Вост. лит., 2006.

Алексеев В.М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). – М.: Восточная литература, 2008 (1-е изд. – Петроград: Тип. А.Ф. Дресслера, 1916).

Алимов И.А., Кравцова М.Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014.

Березкин Р.В. «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» поэта Бо Цзюйи (838 г.) и традиция китайской автобиографии (перевод с предисловием) // Общество и государство в Китае. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 368–389.

Березкин Р.В. Автобиографические черты в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» Оуян Сю (1070 г.) (перевод с предисловием) // Общество и государство в Китае. Т. LI. Ч. 2 (в печати).

Еремеев В.Е. Инженерная мысль // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / *Титаренко М.Л.* и др., ред. – М.: Вост. лит., 2009. С. 276–304.

Малявин В.В. (пер.). Чжуан-цзы: Даосские каноны. – М.: Астрель, 2004.

Меньшиков Л.Н. (пер.). Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова / под ред. И.А. Алимова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.

Ошанин И.М. (ред.). Большой китайско-русский словарь. – М.: Наука, 1983.

Сторожук А.Г. Юань Чжэнь. Жизнь и творчество поэта эпохи Тан. – СПб.: Кристалл-Терция, 2001.

Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. – СПб.: Береста, 2010.

Эйдлин Л.З. Тао Юань-мин и его стихотворения. – М.: ГРВЛ, 1967.

Эйдлин Л.З. (ред.). Поэзия эпохи Тан, VII–X вв. – М.: Художественная литература, 1987.

Bauer W. Das Antlitz Chinas. Die autobiographische Selbstdarstellung in der chinesischen Literatur von ihren Anfängen bis heute. – München: Carl Hanser, 1990.

Mair V.H. The Columbia History of Chinese Literature. – New York: Columbia University Press, 2001.

Mair V.H., Hoh E. The True History of Tea. – London, New York: Thames and Hudson, 2009.

- Nienhauser W.H.* P'i Jih-hsiu. – Boston: Twayne Publishers, 1979.
- Nienhauser W.H.* Biographical Dictionary of Tang Literati. – Bloomington: Indiana University Press, 2022.
- Schafer E.H.* Mao Shan in T'ang Times. – Society for the Study of Chinese Religions, University of Colorado, 1980.
- Schafer E.H.* Lu K'uei-meng // Nienhauser, William H., ed. The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature. – Bloomington: Indiana University Press, 1998.
- Warner D.X.* A Wild Deer Amid Soaring Phoenixes: the Opposition Poetics of Wang Ji. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2003.
- 白居易集箋注 [Бо Цзюйи. Собрание сочинений Бо Цзюйи с толкованиями и комментариями] / 朱金城主編。– 上海：上海古籍出版社，1988 年。
- 川合康三：中国の自伝文学 [Каваи Ко:дзо.: Китайская автобиографическая литература]. 東京：創文社，1996 年 (кит. пер.: 中國的自傳文學 / 蔡毅中譯。– 北京：中央編譯出版社，1998 年)。
- 范曄：後漢書 [Фань Е и др. [ред.]. История поздней Хань] // 二十四史。– 北京：中華書局，1997 年。
- 李福標：皮陸研究 [Ли Фубяо. Исследование [творчества] Пи Жисю и Лу Гуймэна]. – 長沙：嶽麓書社，2007 年。
- 陆龟蒙：甫里先生文集 [Лу Гуймэн. Пули сяньшэн вэнь цзи] / 宋景昌，王立群主編。– 開封：河南大學出版社，1996 年。
- 劉昫：舊唐書 [Лю Сюй и др. [ред.]. Старая история Тан] // 二十四史 (Двадцать четыре [династийные] истории)。– 北京：中華書局，1997 年。
- 歐陽修：新唐書 [Оуян Сю и др. [ред.]. Новая история Тан] // 二十四史。– 北京：中華書局，1997 年。
- 皮日休：皮子文藪 [Пи Жисю. Пи-цзы вэнь соу] // 四部叢刊初編 [Собрание книг по четырем разрядам, первая серия]. – 上海：商務印書館，б.д.
- 全唐文 [Полное [собрание] танской прозы] / 董誥，孫映達主編。– 太原：山西教育出版社，2002 年。
- 全唐詩 [Полное [собрание] танских стихов] / 彭定求主編。– 北京：中華書局，1960 年。
- 沈約：宋書 [Шэнь Юэ и др. [ред.]. Книга Сун] // 二十四史。– 北京：中華書局，1997 年。
- 司馬遷：史記 [Сыма Цянь. Исторические записки] // 二十四史。– 北京：中華書局，1997 年。
- 陶淵明：陶淵明集校箋 [Тао Юаньмин. Собрание сочинений Тао Юаньмина, выверенное и с комментариями] / 龔斌主編。– 上海：上海古籍出版社，1996 年。
- 辛文房：唐才子傳校箋 [Синь Вэньфан. Биографии выдающихся танских литераторов с редакцией и комментарием] / 傅璇綜主編。– 北京：中華書局，1987 年。
- 熊艳娥：陸龜蒙研究 [Сюн Яньэ. Исследование [творчества] Лу Гуймэна]. – 西安：陝西師範大學出版社，2012 年。

曾美桂：陸龜蒙研究 [Цзэн Мэйгуй. Исследование [творчества] Лу Гуйэна]. – 成都：四川科技大學出版社，2014 年。

莊子集釋 [«Трактат Учителя Чжуана» с собранием пояснений] / 郭清藩，王孝魚主編。В сер. 新編諸子集成 [Заново составленное «Собрание всех Учителей»]. – 北京：中華書局，1985 年。

References

Alekseev V.M. (transl.) (1958). *Kitaiskaia klassicheskaia proza v perevodah akademika V.M. Alekseeva* [Chinese classical prose in translation of Academician V.M. Alekseev / ed. by L.Z. Eidlin], Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russian)

Alekseev V.M. (2002). *Temy tanskoi poezii* [Themes of Tang poetry] // *Trudy po kitaiskoi literature* [Works on Chinese literature / compiled by M.V. Ban'kovskaia, ed. by B.L. Riftin], Moscow: Vostochnaia literatura. Vol. 1. P. 251–276. (In Russian)

Alekseev V.M. (transl.) (2006). *Shedevry kitaiskoi klassicheskoi prozy v perevodah akademika V.M. Alekseeva* [Masterpieces of Chinese classical prose in translation of Academician V.M. Alekseev/ ed. by L.Z. Eidlin and L.N. Men'shikov], Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian)

Alekseev V.M. (2008). *Kitaiskaia poema o poete. Stansy Sykun Tu (837–908)* [Chinese poem about the poet. Stanzas of Sikong Tu], Moscow: Vostochnaia literatura (1st edition: Petrograd: A.F. Dressler, 1916). (In Russian)

Alimov I.A., Kravtsova M.E. (2014). *Istoriia kitaiskoi klassicheskoi literatury s drevnosti i do XIII v.* [History of Chinese classical literature from antiquity till XIII cent.], St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian)

Bai Juyi. (1988). *Bai Juyi ji jian zhu* [Collection of works by Bai Juyi with explanations and commentaries / Edited by Zhu Jincheng], Shanghai: Shanghai guji chubanshe. (In Chinese)

Bauer W. (1990). *Das Antlitz Chinas. Die autobiographische Selbstdarstellung in der chinesischen Literatur von ihren Anfängen bis heute*, München: Carl Hanser.

Berezkin R.V. (2020). “Zhizneopisanie Gospodina, [Kotoryi Liubil] Vypit' i Chitat' Stihy” poeta Bo Tsiuyi (838) i traditsiia kitaiskoi avtobiografii (perevod s predisloviem) [Biography of the Master of Mellow Versification (838) and tradition of Chinese autobiography (translation with introduction)] // *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae (Society and state in China)*. Vol. L. P. 1, Moscow: IV RAN, p. 368–389. (In Russian)

Berezkin R.V. (2022). *Avtobiograficheskie cherty v “Zhizneopisanii Otshel'nika Odnogo iz Shesti” Ouyana Siu (1070) (perevod s predisloviem)* [Biography of the Hermit One among Six by Ouyang Xiu (1070) (translation with introduction)] // *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae (Society and state in China)*. Vol. LI. P. 2. (In print) (In Russian)

Eidlin L.Z. (1967). *Tao Iuan'-min i ego stihotvoreniia* [Tao Yuanming and his poems], Moscow: GRVL. (In Russian)

- Eidlin L.Z.* (ed.) (1987). Poeziia epohi Tan, VII–X vv. [Poetry of the Tang dynasty, VII–X cent.], Moscow: Hudozhesvennaia literatura. (In Russian)
- Eremeev V.E.* (2009). Inzhenernaia mysl' [Engineering thought], *Duknovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia* [Spiritual culture of China: encyclopedia]. Vol. 5, Moscow: Vostochnaia literatura, p. 276–304. (In Russian)
- Fan Ye*, et al. (1997). Hou Han shu [History of Later Han], *Ershisi shi*, Beijing: Zhonghua shuju. (In Chinese)
- Kawaii Ko:zo:*. (1996). Chu:goku no jiden bungaku [Kawaii Ko:zo:. Chinese autobiographical literature]. Tokyo: So:bunshya (in Japanese; Chinese transl.: Zhongguo de zizhuan wenxue / chin. transl. by Cai Yi, Beijing: Zhongyang bianyi chubanshe.
- Li Fubiao.* (2007). Pi-Lu yanjiu [A study of [works] of Pi Rixiu and Lu Guimeng], Changsha: Yuelu shushe. (In Chinese)
- Lu Guimeng.* (1996). Puli xiansheng wenji [Collection of works of the Gentleman from Puli / ed. by Song Jingchang, Wang Liqun], Kaifeng: Henan daxue chubanshe. (In Chinese)
- Liu Xu*, et al. (ed.) (1997). Jiu Tang shu [Old history of Tang], *Ershisi shi*, Beijing: Zhonghua shuju. (In Chinese)
- Mair V.H.* (2001). The Columbia History of Chinese Literature, New York: Columbia University Press.
- Mair V.H., Hoh E.* (2009). The True History of Tea, London, New York: Thames and Hudson.
- Maliavin V.V.* (transl.) (2004). Chzhuan-tszy: Daoskie kanony [Zhuangzi: Daoist scriptures], Moscow: Astrel'. (In Russian)
- Men'shikov L.N.* (transl.) (2007). Kitaiskaia poeziia v perevodah L'va Men'shikova [Chinese poetry in translation by Lev Menshikov / ed. by L.Z. Eidlin], St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian)
- Nienhauser W.H.* (1979). P'i Jih-hsiu, Boston: Twayne Publishers.
- Nienhauser W.H.* (2022). Biographical Dictionary of Tang Literati, Bloomington: Indiana University Press.
- Oshanin I.M.* (ed.) (1983). Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' [Big Chinese-Russian Dictionary], Moscow: Nauka. (In Russian)
- Ouyang Xiu*, et al. (ed.) (1997). Xin Tang shu [New history of Tang], *Ershisi shi*, Peking: Zhonghua shuju. (In Chinese)
- Pi Rixiu.* Pizi wen sou [Collection of works of Master Pi], *Si bu congkan chu bian* [Collection of works in four categories, first series], Shanghai: Shangwu yinshuguan, undated. (In Chinese)
- Quan Tang wen* (2002). [Complete [collection of] the Tang prose / ed. by Dong Gao, Sun Yingkui], Taiyuan: Shanxi jiaoyu chubanshe. (In Chinese)
- Quan Tang shi* (1960). [Complete [collection of] the Tang verse] / ed. by Peng Dingqiu. – Beijing: Zhonghua shuju. (In Chinese)
- Schafer E.H.* (1980). Mao Shan in T'ang Times, Society for the Study of Chinese Religions, University of Colorado.

Schafer E.H. (1998). Lu K'uei-meng, Nienhauser, William H., ed. *The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature*, Bloomington: Indiana University Press.

Shen Yue, et al. (ed.) (1997). Song shu [History of Song], *Ershisi shi*, Peking: Zhonghua shuju. (In Chinese)

Sima Qian. (1997). Shi ji [Records of the Historian], *Ershisi shi*, Peking: Zhonghua shuju. (In Chinese)

Storozhuk A.G. (2001). Iuan' Chzhen'. Zhizn' i tvorchestvo poeta epohi Tan [Yuan Zhen. Life and works of the Tang-dynasty poet], St. Petersburg: Kristall-Tertsia. (In Russian)

Storozhuk A.G. (2010). Tri ucheniia i kul'tura Kitaia: konfutsianstvo, buddizm i daosism v hudozhestvennom tvorchestve epohi Tan [Three teachings and Chinese culture: Confucianism, Buddhism and Daoism in the literary works of the Tang dynasty], St. Petersburg: Beresta. (In Russian)

Tao Yuanming. (1996). Tao Yuanming ji jiao jian [Collected works of Tao Yuanming, edited and commented / ed. by Gong Bin], Shanghai: Shanghai guji chubanshe.

Warner D.X. (2003). A Wild Deer Amid Soaring Phoenixes: the Opposition Poetics of Wang Ji, Honolulu: University of Hawaii Press.

Xin Wenfang. (1987). Tang caizi zhuan jiao jian [Biographies of outstanding Tang authors, edited and commented / ed. by Fu Xuanzong], Peking: Zhonghua shuju. (In Chinese)

Xiong Yan'e. (2012). Lu Guimeng yanjiu [A study [of the works] of Lu Guimeng], Xi'an: Shaanxi shifan daxue chubanshe. (In Chinese)

Zeng Meigui. (2014). Lu Guimeng yanjiu [A study [of the works] of Lu Guimeng], Chengdu: Sichuan keji daxue chubanshe. (In Chinese)

Zhuangzi ji shi (1985). [Zhuangzi with collected commentaries / ed. by Guo Qingfan, Wang Xiaoyu], *Xin bian zhu zi jicheng* [Newly compiled collection of all philosophers], Peking: Zhonghua shuju. (In Chinese)